

Александр Степанович Яковлев

Октябрь

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
А46

Александр Степанович Яковлев
А46 Октябрь / Александр Степанович Яковлев – М.: Книга по Требованию, 2012. – 96 с.

ISBN 978-5-4241-2076-3

Яковлев (настоящая фамилия - Трифионов-Яковлев) Александр Степанович (1886, Вольск - 1953, Москва), русский советский писатель. Родился в семье маляра. Участник 1-й мировой войны 1914-1918. Наиболее известное произведение - повесть "Повольники" (1922) о революции в Поволжье. Становление революционного сознания отражено в романах "Человек и пустыня" (1929), "Пути простого сердца" (1935), в автобиографическом романе "Ступени" (1946). Автор сборников рассказов.

ISBN 978-5-4241-2076-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Александр Яковлев
ОКТЯБРЬ

I

Было совсем пасмурно, когда мать разбудила Василия. Она наклонилась над сыном, потеревила его за плечи и резко, задыхаясь от волнения, сказала:

— Вставай скорее! Стреляют!

Василий испуганно поднялся и сел на кровати.

— Что такое?

— Стреляют, говорю; большевики стреляют...

Мать стояла у кровати, одетая в теплую жакетку, с серым платком на голове. В руках у нее была пустая плетеная корзина, та самая, с которой она всегда ходила на базар.

— Ну, что ты смотришь как баран на новые ворота? Не узнал, что ли? Ванька-то не ночевал нынче. Как бы не попал в беду. Ах ты господи!

Лицо у матери вдруг сморщилось и задрожало, словно она собиралась заплакать. Но удержалась и опять заговорила резко и ворчливо:

— Черти проклятые! Ревалюцанеры тоже. Согнали царя, а теперь сами себя начали бить. Друг дружке башку сшибают. Всех бы вас поганым кнутом постегать. Нынче и хлеба-то не дали. Вот пошла и ничего не принесла.

И старуха сердито протянула к лицу сына пустую корзину.

Василий сразу очнулся.

— Стреляют? Значит, началось? — тревожно спросил он.

— Да уж тебе лучше знать, началось у вас или нет, — ответила мать, резко сдергивая с головы серый платок и швыряя его в угол на зеленый сундук, — ваша компания-то действует...

— Та-ак! — протянул Василий и быстро, в один прием, оделся и накинул пальто на плечи.

— Ты еще куда, дурья голова? — забеспокоилась мать. — Один не ночевал, и ты собираешься улизнуть? Хороши сынки... Куда ты?

Но Василий не ответил и, как был — неумытый, нечесаный, с сонным туманом в голове, — быстро вышел на улицу, к воротам.

День начинал сумрачный, с небом, плотно закутанным дымчатыми облаками. На улице, у ворот, стоял сапожник Лобырь, по прозвищу «Ясы-Басы», живший в квартире рядом с той, в которой жили Петряевы. У соседних домов стояли кучки народа, а на углах чернели толпы.

— Ну, Василий Назарыч, заварили большевички кашу, — угрюмо усмехаясь, встретил Ясы-Басы Василия. — Слышите, как попыхивает?

Василий прислушался. Из города неслись выстрелы, то близкие, четкие и громкие, будто стреляли рядом на соседних кварталах, то далекие и слабые.

— Это что же, из винтовок? — спросил он.

Ясы-Басы кивнул головой.

— Из винтовок. В самую полночь начали. Так бьются, аж кровь ручьем льет. Убитых видимо-невидимо. Беда ведь пришла, Василий Назарыч.

Длинный, как верста, сутулый — согнутый работой, — с темными усами почти до плеч, в старой синей поддевке ниже колен, Ясы-Басы был похож на кривую, уродливую плаху, поставленную на две ноги. Когда с ним говорили — знакомые или незнакомые, — всегда посмеивались: смешной он, Ясы-Басы. И

сам смеется, и других смешит. Но теперь было не до смеха.

— А, Василий Назарыч? Ведь это что же? Это же брат на брата пошел.

Василий жадно слушал далекую стрельбу и ничего не ответил.

Стрельба велась беспрерывно. Город, спрятанный в тумане и в сумерках наступающего утра, был полон новых, грозных звуков.

Тррах... тах... ах... — гремело за далекими домами.

— Вот так зашумела Москва-матушка! Бывало, только жужжала да выла, а теперь громом загремела, будто Илья-пророк по Тверской катается, — говорил тихонько и грустно Ясы-Басы, посматривая вдоль переулка, через крыши далеких темных домов, туда, к Москве. — Хорошо, что мы на Пресне, а то теперь как раз бы в переплет попали.

По улице — по мостовой, а не по тротуару — быстро прошел знакомый Василий — Леонтий Рыжов, молотобоец от Бореля, злой, задорный и глупый мужик.

— Что же вы стоите-то? У заставы винтовки раздают. Айда юнкерей бить, — на ходу крикнул он сапожнику и Василию и, подпрыгивая и размахивая для скорости руками, как крыльями, скрылся за углом, за черной молчаливой толпой.

— Вот тоже воитель! — сердито проворчал Ясы-Басы ему вслед. — «Юнкерей бить»... Морда!.. Понимает ли он, что к чему? Тут умные люди не разберутся, а он тоже суется.

У Василия завозилось под ложечкой злое чувство: ясно, что призывы большевиков на последних бурных митингах нашли в толпе отклик, если даже пьяница и дурак Леонтий Рыжов побежал за винтовкой.

«Ну что же, поборемся», — задорно подумал он, невольно выпрямляясь, и со смехом, уже вслух сказал, обращаясь к сапожнику:

— Ну, Кузьма Василич, идемте же!

— Куда? — изумился Ясы-Басы.

— А туда, с большевиками биться, — махнул рукой Василий в сторону города.

Сапожник посмотрел на него с удивлением.

— Что вы?.. Куда уж мне?.. Да и потом... и вам бы... ходить-то не надо.

— Это почему же? — нахмурился Василий.

— Дело-то больно серьезное. Убить могут и все такое. А главное... — Ясы-Басы запнулся, посмотрел себе под ноги и нервно потеревил усы.

— Что главное?

— Главное, правды-то настоящей... ведь никто не знает. Послушал я митинги ваши... У всех есть правда, и ни у кого ее нет... А где она, настоящая-то? Как же я пойду стрелять в живого человека, если я не знаю настоящей правды? Вы про это подумали? — Сапожник пристально посмотрел прямо в глаза Василию. — Вот пойдете биться... А может, вы против правды пойдете?

— Э, вы все про старое. Хулиганы вылезли из нор, а вы говорите о правде? Бросьте! — нетерпеливо махнул Василий рукой и быстро пошел от ворот домой.

Для него вопрос о борьбе с большевиками был давно решен. С большевизмом в страну хлынул мутный поток. С ним надо бороться. Какая же еще может быть другая правда?..

Минут пять спустя он, натягивая кожаные перчатки, решительно сбежал с крыльца, уже одетый. За ним из двери выбежала мать.

— Вернись, тебе говорю! Вернись! — кричала она.

Но Василий не ответил, даже не оглянулся и резко хлопнул калиткой.
— Уходите? — спросил его Ясы-Басы, все еще стоявший у ворот.
— Ухожу, — холодно ответил Василий и быстро пошел вниз по переулку, к Зоологическому саду, к городу, откуда неслась стрельба.

II

Улицы по всей Пресне уже были полны народа. На всех углах, на тротуарах и даже на мостовой чернели толпы. Трамваи не ходили, не видно было ни извозчиков, ни автомобилей, и улицы необычайной тишиной напоминали большой-большой праздник. Лишь из центра города, из-за Кудринской площади, гремели неумолчные глухие выстрелы.

Насторожившаяся толпа стояла тихо, разговаривая вполголоса, и смотрела вдаль испуганными, плохо понимающими глазами, будто люди еще не проснулись от кошмарного сна.

Старушка в черных валенках и серой шубейке крестилась на колокольню церкви, едва видневшуюся в тумане, и громко, нараспев, на весь народ причитала:

— Господи, не отврати лицо свое и помилуй ны... Господи, отврати гнев твой...

Василий быстро, точно за ним гнались, шел к центру.

Ему хотелось самому скорее принять участие в бою; самому бить, крошить тех, кто начал эту безумную бойню. От нетерпения он нервно дрожал и шел решительно, широко махая руками и четко постукивая каблуками, прямой грудью вперед. У него явилась странная боязнь опоздать, и эта боязнь гнала его.

На улице, за Зоологическим садом, он увидел первого раненого; молоденькая розовощекая сестра милосердия везла на извозчике в медицинский институт черноусого рабочего, у которого вся голова была завязана бинтом. Через белую повязку сочилась кровь, а над повязкой торчали вверх длинные волосы, и вся голова рабочего походила на голову папуаса, надевшего парадные украшения из ярко-красных и белых лент. А лицо у рабочего было серое и губы кривились, должно быть, в невыносимом страдании.

На Кудринской площади стало заметно, что к центру идут только ребятишки и молодые рабочие, а навстречу им целыми толпами спешили хорошо одетые женщины и мужчины, тащившие узлы на спине, с детьми на руках. Испуганные и бледные, они бежали, будто спасаясь от погони, прятались за углами, останавливались на момент, отдыхали, потом бежали дальше, к окраинам. Толстая пожилая женщина в барашковой шапке и плюшевом пальто с большими черными пуговицами бежала мелкими, семенящими шажками прямо по мостовой и беспрерывно крестилась.

— Ой, батюшки, господи Иисусе... Ой, родимые!.. — приговаривала она по-бабьи — жалостно и беспомощно.

У нее дрожали щеки, а из-под шапки выбивались космы полуседых волос. Высокий мужчина с подстриженными усами нес на спине большой белый узел, а рядом с ним бежала побледневшая от испуга молодая женщина в каракулевом саке, тащившая на руках плачущего ребенка. На углу кто-то из толпы спросил их:

— Ну, что? Как там?

— Все гремят. Из квартир выселяют. Нас выселили. Все пропадает, — быстро ответил мужчина, не останавливаясь.

В толпе на углу плакали дети. Их жалобный, беспомощный плач как-то особенно подчеркивал ужас надвигавшейся грозы. У Василия вдруг защекотало в

горле и зачесались глаза. Сжимая кулаки, он быстрее шел к центру. Скорей! Скорей!

Выстрелы гремели навстречу, резкие, пугающие своей близостью и резкостью. Стреляли на Большой Никитской и у Арбата. Вот они, близко. Может быть, за этими домами...

Василий хотел пройти прямо вниз, к манежу, но у Никитских ворот уже не пропускали, стояла цепь солдат, вооруженных винтовками с примкнутыми штыками.

— Не лезь под обух. Проходи, проходи, товарищи, — повелительно кричал низенький солдат с желтыми реденькими усишками, испуганный, с неумным упрямым лицом. У цепи сгрудилась толпа. И так же, как на Пресне, здесь все тревожно прислушивались к треску выстрелов, молчали, и все были такие же растерянные и непонимающие.

Василий остановился. Куда идти? В обход?.. И, раздумывая, он невольно слушал, о чем говорили.

— Теперь аминь буржуям. Всем расшибем! — хвастливо сказал солдат, перекидывая винтовку с одного плеча на другое. — Будя, попановала антелигенция, а дать ничего не смогла. Теперь мы ее...

Солдат скверно выругался.

— А что же вы сделаете? — спросил его седобородый старик в нахлобученной на самые глаза шапке, с желтой клюкой в руке.

— Мы-то? Мы все трудовому народу дадим... Мы теперь — сила.

— Сила-то вы, может, сила, только сила — уму могила. Дураки на умных поднялись. Вот что я скажу, — сердито отозвался старик.

В толпе засмеялись. Старик постучал желтой клюкой о мостовую и продолжал:

— Ты еще такой молодой, что пяткой думаешь. Хоть и большевик ты... Бог сотворил человека по образу и по подобию своему, а вас, большевиков, по образу Иуды. Так-то...

Солдат обиженно отвернулся, а старик, уже обращаясь к толпе, ворчливо заговорил:

— Предатели все, и больше ничего. На немецкие деньги работают. Немцы золотыми пулями стреляют, а золотые пули всегда в цель попадают. Пословица верно говорит: золото убило больше душ, чем железо телес. И правда. Теперь германское золото к нам на Москву-матушку забралось, русскую душу убивает. Вишь, что делают?..

Рыжеусый солдат опять подошел к старику и хотел что-то сказать, но вдруг где-то рядом, в переулке, грохнул выстрел, и сразу, точно по сигналу, загрели залпы по всем улицам кругом. В момент безумие лизнуло улицу. Казалось, сейчас из-за угла выбегут чудовища и будут в упор бить людей.

Кто-то дико и коротко крикнул:

— А!

Толпа в ужасе шархнула вдоль стен и судорожно заметалась, прячась за углы, за выступы, в подворотни. Солдаты прижались к стенам, нервно подхватили винтовки наперевес, готовясь к защите и убийству. Василий, захваченный общим страхом, юркнул в лавчонку в подвале, где уже грудой набились люди.

Но через минуту выстрелы смолкли так же неожиданно, как начались. И опять

отовсюду поползли смущенные, еще не оправившиеся от страха люди. Низенький солдат выбежал на середину улицы и свирепо закричал:

— Эй, расходись! Сею минуту расходись! Стрелять буду!..

Приложив винтовку к плечу, он выстрелил в воздух. Потом еще и еще.

Толпа опять пустилась бежать вдоль стен, бежала, поминутно оглядываясь, прячась за выступы.

Василий почувствовал глухое раздражение. Он видел, что солдат весь, до пяток, напуган и что криком и стрельбой лишь хотел подбодрить себя.

«Ах, черт, вояка», — презрительно подумал он, чувствуя, что с наслаждением влепил бы пулю в эту дрожащую, доверху наполненную страхом фигуру.

Понимая, что здесь пробраться к центру нельзя, он пошел бульваром в обход.

III

Утро пришло уже давно, а кругом было еще мрачно, и небо по-прежнему густо куталось в серые, тяжелые облака. Холодело. На бульварах, под осенними безлистными липами, и на Страстной площади было полно народа. Люди стояли кучками, сидели на скамейках, спорили, слушали раскаты выстрелов, гремевших в центре города, гадали, где стреляют, и опять спорили. На Страстной стояла густая цепь солдат, запиравшая ход по Тверской улице к генерал-губернаторскому дому, где теперь был штаб большевистских отрядов. Цепь пропускала только своих.

С Ходынки быстро мчались автомобили, наполненные вооруженными солдатами. Издали автомобили казались огромными вазами с чудовищными цветами. В них ярко горели красные знамена, а вокруг знамен беспорядочно торчали винтовки со штыками. У серых солдат и черных рабочих через плечи висели крест-накрест пулеметные ленты...

За автомобилями шли отряды солдат и красной гвардии. Шли вразброд. То редкою цепью, то небольшой плотной толпой, теснясь один к другому. Больше мальчуганы в засаленных рабочих пиджаках, туго подпоясанных солдатскими новыми желтыми ремнями, на которых висели серые холщовые сумки с патронами. Мальчуганы неумело несли винтовки и, волнуясь, часто перекладывали их с плеча на плечо, далеко при этом закидывая назад голову.

Мало бородатых и вообще взрослых. Шла рабочая молодежь, увлекающаяся, неустойчивая, какой ее знал Василий. С серыми лицами, уже испытанной работой. По их неуверенной походке, по лицам, немного испуганным и немного важным, было видно, что они и боятся, и вместе любовно идут на риск.

Василий, замешавшись в толпу, стоявшую по обоим тротуарам, хмуро смотрел на них.

А они все шли, шли длинной черно-серой лентой, испуганные, неуверенные, будто повинующиеся чьей-то чужой воле. На углу у церкви Дмитрия Солунского они собрались толпой человек в пятьдесят. В шапках, решительно надвинутых на самые уши, с винтовками, торчащими над головами, с серыми холщовыми сумками поверх грязных и рваных пиджаков — они были смешны и неуклюжи в своей воинственной нерешительности.

Они чего-то ждали, из-за угла поглядывая вдоль улицы туда, к губернаторскому дому, где собирались толпы большевиков и откуда неслись раскаты стрельбы.

— Ну, чего остановились? Иди скорей! — крикнул на них солдат, проходивший по улице. — Аль испугались? Нечего здесь стоять...

Рабочие всколыхнулись, смущенно задвигались и пошли за солдатами, но стороной, вдоль стены, нерешительно расталкивая публику, запрудившую тротуар. Василий насмешливо смотрел на них и вдруг... дрогнул: в толпе красногвардейцев шел его приятель Акимка — сын соседки ткачихи Розовой — долговязый мальчуган лет шестнадцати.

В рыжем пальто с полуоторванными карманами, в рваных сапогах, в серой шапке конусом, задорный и румяный, он теперь шел туда. У него на плече была винтовка, у пояса — патронная сумка. Василий оцепенел на мгновение, не веря себе.

— Аким, ты куда? — резко крикнул он.

Акимка быстро оглянулся, отыскивая в толпе, кто его окликнул, и, найдя Василия, весело закивал головой.

— Туда! — махнул он рукой вдоль улицы. — Наши все идут. Человек сто утром ушло, а сейчас пошли остальные. Ты что же без винтовки?

И, не дожидаясь ответа, пошел дальше, за товарищами. Василий молча проводил его взглядом. Акимка шел по тротуару, осторожно раздвигая толпу, длинный и неуклюжий, и скоро утонул среди черных человеческих фигур.

Петряев был потрясен.

«Что такое? Акимка?.. Тоже большевик?.. С винтовкой? — испуганно подумал он, словно проверяя себя. — Значит, я в него буду стрелять?»

Эта мысль холодной дрожью облила его с головы до ног. Он испуганно посмотрел на толпу, словно стараясь что-то понять. Ему показалось таким чудовищным, что вот он, Василий Петряев, друг и покровитель Акимки, может быть, сейчас будет стрелять в него. Он так заволновался, что должен был прислониться к стене.

Акимка... милый, восторженный, увлекающийся мальчик-певун и задира. Он еще так недавно, каких-нибудь недели две тому назад, был социалистом-революционером и так рьяно ратовал на сходках за эту партию. А теперь, с патронной сумкой у пояса, с винтовкой за плечами, он шел вместе с большевиками против тех же социалистов-революционеров. Был момент, когда Василию хотелось побежать за Акимкой и вернуть его. Но как вернуть? Нельзя вернуть.

Василий прижался к стене, чувствуя, как озноб захватил его с головы до ног.

Уже по-новому он стал всматриваться в толпу солдат и рабочих, идущих в бой, и только теперь разглядел, что идут главным образом те, с которыми он прожил жизнь, которых он любил и ненавидел, как можно любить и ненавидеть только самых близких.

— Болваны! Дурье! — ругался, сжав зубы, Василий.

Он так же, как утром, ненавидел этих оборванных людей, но в то же время чувствовал, как в его душе обрывается решимость: «Идти против них? Бить их? Убивать? Да что же это такое?»

Издали послышалось пение, и на площадь из-за монастыря вышла группа вооруженных рабочих, сразу человек в сто. Шли стройно, рядами, под шаг пели: «Дружно, товарищи, в ногу», а впереди над толпой плыло красное знамя. Знамя нес высокий, черный, как уголь, бородатый рабочий в истертой кожаной куртке; через плечо у него болталась винтовка. За ним — ряды, по восемь человек в каждом. Все с винтовками, нестройно торчавшими над головами.

Солдаты и красногвардейцы, стоявшие в разных концах площади, увидев стройную толпу рабочих, с криками «ура» пошли навстречу.

— Ур-ра, товарищи! Ур-ра!..

Они махали шапками, поднимали вверх винтовки и воинственно потрясали ими... Задорный боевой шум повис над площадью. Толпа, стоявшая по тротуарам, испуганно метнулась в сторону, а рабочие и солдаты, выровнявшись, пошли по улице, к месту боя. И опять запели: «Дружно, товарищи, в ногу».

Бледный стоял Василий, прислонившись к стене, возле киоска уличного чистильщика сапог. Это пение, эти крики, красное знамя, стройные ряды вооруженных рабочих и звуки стрельбы ошеломили его. Ему показалось, что на его голо-